

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗНАТНОСТИ И КРИТЕРИИ ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ГОРОДСКОМ СОЦИУМЕ НА ПРИМЕРЕ ФЛОРЕНЦИИ XIV-XV ВЕКОВ

И.А. КРАСНОВА

*Ставропольский
государственный
университет*

e-mail: teitman@mail.ru

В статье рассматривается проблема трансформации дефиниций «знатность» и «рыцарство» в городском социуме Флоренции. Для изучения используется сравнительный анализ «Эпистолы» Лапо да Кастильонкьо (2-я пол. XIV в.) и трактата о знати Винченцо Боргини (2-я пол. XVI в.). Рефлексия, в ходе которой возникало представление о неопределенности границ между знатью и народом, прослеживается на основе текстов, отражающих различные культурные срезы: проповедей Ремиджо Джиролами (XIII в.); новелл Франко Саккетти, «Историй» и «Политико-морального трактата» Джованни Кавальканти, позволяющих аргументировать процессы социально-культурного синтеза между грандами и пополанами, не исключая протivoстояния и борьбы. В городском обществе старая знать быстро приобрела новые черты, адаптируясь к реалиям коммунального устройства, тогда как пополаны усваивали ценности и атрибуты рыцарского сословия и представителей знати.

Ключевые слова: знатность, город, Флоренция.

На рубеже XX и XXI вв. в зарубежной историографии, особенно итальянской, повысился интерес к проблемам социальной структуры городских сообществ средневековья и, в частности, к тем трансформациям, которым подвергались слои знати внутри стен города¹.

В современной историографии бытует точка зрения, что городская знать Флоренции сложилась к концу XII в. Ее основными признаками стали: самоидентификация с *societas militum*, доступ к некоторым источникам дохода – во Флоренции к дорожным пошлинам с чужеземцев, синьориальные права на имеющиеся в собственности земельные владения за пределами города, участие в высшей власти: коллегия консулов, управляющая коммуной до складывания института Подеста, избиралась только из представителей знати². Ряд исследователей стремится рассмотреть социальные аспекты проблемы, прослеживая динамику изменений в слоях знати, становящейся неотъемлемой частью городского социума, несмотря на наличие земельных владений и феодальных прав в сельской округе³.

Обращаясь к отражению социально-политических реалий в обыденном сознании флорентийских граждан с конца XIII и на протяжении XIV-XV вв., даже при самом поверхностном рассмотрении нельзя не обратить внимания на то, что в нем значительное место занимали ментально-психологические установки, так или иначе связанные с ос-

¹ Maire Vigueur J.-C. Cavalieri e cittadini. Guerra, conflitti e società nell'Italia comunale. Bologna, 2004; этому автору удалось аргументировать важность и центральное место этой темы в плане политическом и социальном. В плане военной истории значимы труды Альдо А. Сеттия: Settia A.A. De re militari. Pratica e teoria della Guerra medievale. Roma, 2008, а также Паоло Грилло: Grillo P. Cavalieri e popoli in armi. Le istituzioni militari nell'Italia medioevale. Roma-Bari, 2008; Grillo P. Cavalieri e fanti negli eserciti comunali italiani // Cavalieri e città / a cura di Franco Cardini, Isabella Gagliardi, Giuseppe Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19-21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 121-136. См. также обобщающую вводную статью Ф. Кардини: Cardini F. Introduzione. Cavalieri e città nella società italiana medievale // Cavalieri e città / A cura di F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III convegno internazionale di studi. Volterra, 19-21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 5-25.

² См.: Cammarosano P. Il ricambio e l'evoluzione dei ceti dirigenti nel corso del XIII secolo // Magnati e popolani. Atti del quindicesimo convegno di studi del Centro italiano di studi di storia e d'arte. Pistoia, 1997. P. 17-40; Artifoni E. L'estinzione dei quadri consolari e l'emergere dell'regime podesteriale // Storia di Torino. I. Dalla preistoria al comunale medievale / A cura di G. Sergi. Torino, 1997; Capitani O. Città e comuni // Storia d'Italia. Diretta da G. Galasso. Torino, 1981. Vol. IV. P. 1-57. Овидио Капитани исследовал институциональный аспект: «старый правящий слой, обозначаемый скорее как орган управления»: P. 37.

³ Maire Vigueur J.-C. Flussi, circuiti e profile // I podestà dell'Italia comunale. Parte I. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec. – metà XIV sec.) / A cura di J.-C. Maire Vigueur. Nuovi Studi storici. Roma, 2000; Faini E. Firenze nell'età romanica (1000-1211). L'espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze, 2010. P. 359-361.

мыслением разделения городского общества на грандов и пополанов. Формы восприятия этого комплекса социальных противоречий, унаследованные от XIII в., хотя и сохраняли свою актуальность в XIV в., не развивались, тем не менее, равномерно, они то приобретали самостоятельное и первостепенное значение в политике города-государства и рефлексиях представителей социума, то, сглаживались, отодвигались на второй план, принимали латентный характер, скрываясь под оболочкой иных социальных антагонизмов⁴.

В конце XIII – XIV вв. для обозначения знатных людей в городском обществе употреблялось несколько понятий: «нобили», «магнаты» и «кавалеры» (рыцари). В преамбулах к официальным документам латинские термины «nobiles» и «magnates» использовались как синонимы⁵.

Рефлексия о критериях знатности, начало которой положил Данте Алигьери, занимала умы граждан Флорентийской республики и отражалась в оставленных ими записях и сочинениях.

Письмо-трактат Лапо да Кастильонкьо (1316–1381), происходящего из знатного рода, флорентийского политика, образованного юриста и влиятельного функционера партии гвельфов, написано предположительно в 70-е гг. XIV в. в виде наставления старшему сыну Бернардо⁶. Руководствуясь стремлением дать нравственно-этическое поучение сыну, Кастильонкьо в первых двух частях строил его в духе отвлеченно-философского сопоставления воззрений Данте Алигьери и Бартоло да Сассоферрато, пока в третьей части речь не заходила о представителях его древнего и знатного рода Да Квона. Пространное, отмеченное элементами схоластики, рассуждение Лапо да Кастильонкьо в значительной степени являлось компиляцией трактата известного легиста Бартоло да Сассоферрато «Дигесты», в чем автор открыто признавался: «прославленный Доктор, Мессер Бартоло да Сассоферрато в Дигестах на Закон, который начинается «Si ut propones», в рубрике о достоинстве очень упорядоченно эту материю изложил»⁷.

«История флорентийской знати» Винченцо Боргини (1515–1580)⁸ была составлена во 2-й пол. XVI в., воплотив исследовательские и просветительские намерения флорентийского эрудита⁹. Главная цель Боргини – изучение, выражаясь современным языком, социально-политической дифференциации флорентийского общества и истории отдельных знатных фамилий, поэтому в основной части его сочинение наполнено конкретно-историческим контекстом, в котором флорентийские граждане оттесняли на задний план выдающихся деятелей античной истории.

Некоторый элемент терминологического анализа содержится в письме-трактате Лапо да Кастильонкьо¹⁰. Наставляя сына, Лапо заявлял о своих целях: «информировать тебя о происхождении Нобилей или Плебеев; и сообщить о количестве Грандов и Пополанов в городе Флоренции». Законовед, прежде всего, употреблял две пары терминов, обозначающих основные социальные слои города: во втором случае использовались общепринятые дефиниции итальянского языка; в первом – латинизированные названия, чаще применяемые в официальных документах и трактатах. Относительно понятия «магнаты», он отмечал, что оно является не столь употребимым, как «нобили», и распространен-

⁴ Вряд ли можно полностью согласиться с мнением Г. Сальвемини, который пытался рассматривать отношения грандов и пополанов как классовое противостояние: Salvemini G. La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti / A cura di E. Sestan. Milano, 1972. В большей степени аргументированным представляется вывод о том, что социальные контрасты не являлись постоянно действующим фактором в конце XIII – 1-й пол. XIV в. См.: Medici D. I primi dieci anni del priorato // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978. P. 224–225. Помимо Н. Оттокара мнение Сальвемини подвергал сомнению итальянский историк Фьюми, считавший, что все случаи антагонизмов между грандами и пополанами определялись борьбой политических фракций: Fiumi E. Fioritura e decadenza dell' economia fiorentina // Archivio Storico Italiano. CXVII. 1959. P. 430.

⁵ См.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Torino, 1962. P. 132. Н. Оттокар утверждал, что термин magnati в конце XIII в. встречался только в латинских текстах и суть ничто иное, как латинский перевод слова «гранд».

⁶ Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccellentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze. Bologna, 1753.

⁷ Ibid. P. 10.

⁸ См о нем: Степанова Л.Г. Боргини // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 1. М., 2007.

⁹ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Pisa, 1974.

¹⁰ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 1.

но, главным образом, во Флоренции¹¹. Он также использовал термин «знатность», «какую на нашем *volgare* мы называем «благородство» (*gentilezza*)»¹².

Винченцо Боргини стремился определить важное для него понятие «знатность», используя термины «*nobiltà*», отмечая, что дефиниция «*nobile*» позаимствована из латинского языка, и «благородство» (*gentilezza*)¹³. Два сходных по жанру, но различных по целям и отчасти по форме и содержанию произведения, заключавшие попытку исследования указанного сюжета, разделены почти 200-ми годами.

Оба автора, ссылаясь на античных мыслителей и примеры¹⁴, позаимствованные из древнеримской истории, а также на высказывания Данте Алигьери, величайшего для них авторитета¹⁵, определяли два главных критерия знатности: происхождение и доблесть. Лапо да Кастильонкьо начал свое письмо с рассуждения о том, что родиться плебеем – более полезно, чем грандом: «...начиная, скажу, что было бы более полезно родиться Плебеем, чем Нобилем, и это покажу я прежде на моральных доводах и демонстрациях, а затем уж на ясных и достоверных примерах»¹⁶. Далее он приводил аргументы с морально-философской точки зрения. Безнравственный образ жизни и «каждая совершенная ошибка» будет скорее прощена плебею, не имевшему «древних предков и домашних наставников», которого нельзя упрекнуть в дегенерации. Избрание добродетельного пути «тем более светло, чем из большей темноты выходят». И в этом выборе «ничем тебе не помогут ни родственники, ни деды, ни прадеды, ни советчики, ни учителя: только поступая хорошо, ты обретишь добрую репутацию... и будешь прославлен, назван отцом и основателем своего рода». Далее правовед разбирал случаи, когда «плебею дается возможность приобрести новую славу, самому стать нобилем и предоставить знатность потомкам, не отбирая ее у других»... «Намного лучше самому основать знатность, нежели получить ее уже основанной другими»¹⁷. Эту сентенцию Лапо да Кастильонкьо заключал следующим выводом: «Отсюда следует, что, если я, рожденный плебеем, обрел доблесть, став знатным..., то такая знатность более достойна хвалы, чем, если бы я нашел ее основанной другими,... получается поэтому, что лучше родиться доблестным плебеем, чем доблестным нобилем»¹⁸. Множество примеров античных царей и властителей низкого происхождения иллюстрируют заключение автора: «Разве не заблуждение – впасть в доуку из-за низкого происхождения, каковое вовсе не лишает ни надежды на царствование, ни обладания собственными успехами? Любой корень темен и жалок, но разве, тем не менее, ветви не пышны и цветущи? И кто же доискивается, от какого корня исходит продолжающий его плод, каков бы ни был корень?... Благородство обычаев и незапятнанность жизни ни единым пятном спасают даже от памяти о низком происхождении... Поэтому, сын мой, следи не за тем, чтобы быть нобилем, а за тем, чтобы тебе не

¹¹ Ibid. P. 29.

¹² Ibid. P. 2.

¹³ Borghini V. Storia della nobiltà. Note 1-2. P. 43-44.

¹⁴ Лапо да Кастильонкьо упоминал книгу Макробия «Сон Сципиона» (Lib. De Somnio Scipionis. Cap. IV. C. 8), 6-ю книгу Энеиды Вергилия (Энеида. Кн. 6. Стих 621); Инвективу против Марка Туллия Цицерона Саллюстия (Declam. C. Crispi Sallustii // Cic.), Сенеку (Controvers. 6.), стих Горация Флакка (Sat. Lib. I. Vers. 45), Платона (Dialogo de Regno): Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 2, 4, 5, 6, 7. Винченцо Боргини цитировал Лактанция и Сенеку – Note 11, P. 46; Тита Ливия – Note 29, P. 64; 87-88; Цицерона – P. 88-89, давал краткий анализ социальной дифференциации в Древнем Риме для последующего сравнения с Флоренцией – P. 66-67, 73; в качестве примеров приводил Сципиона, Сульпиция, Брута, Луция Суллу: Borghini V. Storia della nobiltà. Note 9, P. 45; P. 73-74, P. 104.

¹⁵ Лапо да Кастильонкьо зылял: «...Данте, поэт на *volgare* из Флоренции, прославленный в памяти и в рассказах, каковой об этой материи, то есть о знатности, сочинил моральную канцону на *volgare*... (Данте. Пир. P. 150) – Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 11-12. В. Боргини, также часто цитировавший великого поэта: Borghini V. Storia della nobiltà. Nota 16. P. 49-50 – Данте. Божественная Комедия. Чистилище. XXXIII. 97; P. 65-66 – Данте. Пир. IV. 3, так высказывался о нем: «Великий поэт и не в меньшей степени философ, прекрасный сочинитель канцон»: Borghini V. Storia della nobiltà. Nota 26. P. 65-66. Он также ссылаясь на Декамерон Боккаччо (VI,6). Лапо да Кастильонкьо, кроме того, высоко ценил авторитет Ф. Петрарки: «Франческо Петрарка, сиятельный Поэт, говорил в одной эпистоле, каковая предназначалась мне, и каковое высказывание в возрасте, более нежном, чем твой, запало мне в ум...»: Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 31. Он также ссылаясь на Trionfo della Castità Франческо Петрарки – V. 84. См.: Ibid. P. 9.

¹⁶ Ibid. P. 4 (Declam. C. Crispi Sallustii // Cic.).

¹⁷ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 4. Автор ссылаясь на Саллюстия.

¹⁸ Ibid. P. 4-5.

скорбеть из-за своей низкой и подлой души»¹⁹. Для Лапо да Кастильонкьо несомненно превосходство личного благородства и доблести над знатностью происхождения.

Для Боргини высокое происхождение являлась одной из главных составляющих знатности, но не исчерпывающей ее содержания²⁰: «Следует различать, что знатность обладает двумя свойствами. Одно, которое как бы тело, – кровь, то есть род, которое очень долго длится в почестях, степени знатности, но она содержит также честь (духовную часть), оценку и некое оказываемое ей почтение...»²¹. Именно доблесть (*virtu*) считал Боргини «самым подобающим и главнейшим атрибутом знатности, ибо многие, имеющие его при отсутствии всяких иных, могут быть абсолютно уверены в том, что они принадлежат к знати»²².

Используемая терминология отличалась широтой толкования и неопределенностью. Винченцо Боргини указывал, что при определении понятия «знатность» во Флоренции трудностей возникает больше, чем при попытке понять различия между патрициями и плебеями в Римской республике²³. Пытаясь отразить в дефиниции «знатность» коррективы, вносимые запросами городского социума, оба автора вкладывали, опираясь на античные источники, в это определение важнейший для них смысл – степень участия гражданина в публичной жизни. Для Лапо да Кастильонкьо нет сомнений в том, что «возведение в достоинство Приората делает Нобилем, как не делает этого собственное происхождение. И, таким образом, мы видим, что в нашем обычае считать, что обладание достоинством делает человека Нобилем...»²⁴. Ссылаясь на первую книгу «Этики» Аристотеля и Бартоло да Сассоферрато, флорентийский легист выделял три категории знатности: «знатность теологическая и сверхприродная», о которой Лапо да Кастильонкьо рассуждал не слишком охотно: «Эту знатность мы оставим Теологам». Вторая – знатность натуральная или «прирожденная», данная от природы. Третья – знатность политическая и гражданская²⁵. Обращаясь к опыту разных городов, в частности, помимо Флоренции, Перуджи и Венеции, он констатирует, что знатность или достоинство могут происходить от статутов и обычаев города. Воля городского сообщества имеет непосредственное отношение к определению знатности: «...Город может нарушить свои статуты и обычаи, и может город достоинство и знатность, если решения побуждаемы общим разумом, не принять как знатность. Городские статуты регулируют и умеряют дерзость знатных, а народ, видя их многие привилегии, подавляет иных, отстраняя нобилей от должностей, высывая лиц высокого положения из городов»²⁶. При этом Лапо да Кастильонкьо ссылаясь на авторитет Аристотеля в 5-й книге Политики²⁷.

Такому же плану следуют рассуждения В. Боргини: «Действия *virtu* как составляющей части *nobiltà* проявляется в республике и общественных делах, управлении ради общего блага; и от нее рождается, ею поддерживается и прирастает знатность...»²⁸. Участие в публичных делах эрудит XVI в. считал одновременно и предпосылкой, и основным атрибутом знатности: «Главная предпосылка знатности... есть публичные почести, относящиеся к правлению и общественной деятельности в магистратах, посольствах, коллегиях»²⁹. Он выделяет участие в общественных делах, как самый важный атрибут знатности: «Признаки знатности... очень многочисленны, но среди других первыми и наиболее надежными являются магистраты, и это верно по сути, хотя и следует внести некоторые рассуждения...»³⁰.

¹⁹ Ibid. P. 8.

²⁰ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Pisa, 1974. Note 3-14. P. 44-49.

²¹ Ibid. Nota 14. P. 48-49.

²² Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Nota 17. P. 50.

²³ Ibid. P. 65.

²⁴ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 11.

²⁵ Ibid. P. 18-19.

²⁶ Ibid. P. 24.

²⁷ Ibid. P 26-27.

²⁸ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Nota 8. P. 45.

²⁹ Ibid. Nota 16. P. 49.

³⁰ Ibid. Nota 21. P. 53. Рассуждения касались различий между магистратами в разных городах: например, в отличие от Рима, во Флоренции наиболее важным магистратом являлась партия гвельфов.

При попытке сравнивать два произведения, можно отметить некоторое структурное сходство: в первой части того и другого текста содержатся общетеоретические рассуждения о знатности и рыцарском достоинстве, далее следуют своеобразные исследования конкретного материала. Авторы отражали в своем изложении разные культурные эпохи, хотя в равной степени признавали высочайшими авторитетами античных мыслителей и великого Данте. Но Лапо ди Кастильонкьо в большей мере обращался к авторитету Св. Писания и выдающихся теологов³¹. Труд Винченцо Боргини почти не содержит ссылок на Писание и церковные авторитеты, но, помимо Данте, он также упоминает светских писателей Боккаччо и Франко Саккетти³². Лапо да Кастильонкьо, будучи ученым юристом, черпал доводы, помимо Дигест Юстиниана и комментариев Бартоло Сассоферрато, в сборниках городских законодательств³³, которые он сравнивал, приводя правовые казусы и процедуры, в то время как Боргини выступал прежде всего как историк, прибегая к соответствующим источникам, главным образом, к хронике Джованни Виллани³⁴. Его труд не отмечен схоластическими рассуждениями, на которых строятся первая и вторая часть «Эпистолы» Лапо да Кастильонкьо. Оба произведения различаются по содержанию. Если сознание Лапо да Кастильонкьо обращалось к противоречию между грандами и пополанами, которое он на античный манер определял как противостояние нобилей и плебеев, то для Боргини оно явно отодвигается на второй план. В своей ввводной части эрудит XVI в. упоминал лишь о Микеле ди Ландо, одном из предводителей чомпи³⁵, в другом месте он утверждал, что бедные селяне и сервы могут добиться знатности только через участие в общественных делах и публичные почести³⁶. В книге Боргини в большей степени видна устоявшаяся определенность представлений о знатности, бесконечные колебания между знатностью и плебейством, статусами грандов и пополанов, видимо, в значительной мере утратили для него актуальность.

Однако текучая динамика взаимных переходов состояний знати и народа, чаще толкуемая в терминах «нобили-плебеи», представляла большой интерес для Лапо да Кастильонкьо, которого волновал вопрос о том, при каких условиях плебеи могут стать нобилиями, а знатные, деградируя, утратить свой статус: «Очень большое число происходящих из грубых плебеев становились знатными и известными, благодаря своим доблестям более, чем рожденные от нобилей или имеющие знатное происхождение»³⁷. Важнейшей составляющей частью знатности он полагал «достоинство» (*degnità*)³⁸, имея в виду определенный комплекс личных качеств, получивших общественное признание: «достоинство и есть знатность, потому что всегда делает человека отличным от плебея»³⁹. Возвращаясь от доблести древних римлян к современной ему действительности, Лапо да Кастильонкьо был убежден в актуальности этой проблемы: «Если... некий крестьянин становится доблестным человеком (*valente uomo*), он таким образом приобретает знат-

³¹ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 9. Здесь он ссылается на Псалмы Давида, цитируя: «Если Господь не хранит город, напрасным будет бдение того, кто его хранит»; Матв. Сар. 23; 12; Луку. Сар. 1; 52; Марка Сар. X: 43 – P. 11. Кастильонкьо обращался к истории Адама, Каина и Авеля (Книга бытия. IV) – P. 14; Экклесиаста (17; 10: 5-6; 8); Иова (21) – P. 16-18; Послания апостола Павла к Коринфянам (15:43; 4:10; I. 4) – P. 17, 22; Левит (18) – P. 19. Он ссылался на авторитет Фомы Аквинского и Бонавентуры – P. 13, 18; на высказывания Кардинала Ости и папы Иннокентия III – P. 19-20, 28.

³² Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. О Боккаччо – Note 12. P. 48; 27. P. 60, 65-66 – ссылается на письма и новеллы Декамерона (IX, 10; VII, 9; VIII, 9), на Саккетти – Nota 25. P. 58.

³³ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 21-29.

³⁴ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Note 27. P. 59-60; P. 67.

³⁵ Ibid. Nota 18. P. 50-51. «Микеле ди Ландо был бедным, родился в деревне, был связан с самым низким ремеслом, но возвысился по случаю, будучи насильственно сделан Гонфалоньером справедливости, обязанности которого он исполнял не столь уж плохо. Ему также было предоставлено рыцарство и почести высшей степени, каких удостаиваются нобили... Можно или нет назвать Микеле ди Ландо нобилем – это дело рассуждения».

³⁶ Ibid. Nota 29. P. 64.

³⁷ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 6.

³⁸ Ibid. P. 10. «Достоинство» подразумевало добрую молву о человеке; а также обозначало должность (сан), которая имеет приложение к достоинству и соединяется с ним, как, например, должность Епископа, Священника, Кавалера, Доктора или Канцлера; иной раз «достоинство» используется для обозначения некоторых качеств, по которым данная персона может отличаться от плебеев; прежде всего, «благородство сравнительно с вульгарностью». Есть также именованное «достоинство», и оно разделяется на многие степени, и видится в званиях «многочащеваемый» (*illustre*), почтенный (*spettabile*), светлейший (*clarissimo*)...».

³⁹ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 10.

ность, не делаясь при этом нобилем, потому что его крестьянскую грубость невозможно полностью очистить, но его сыновья и внуки становятся нобилиями, поскольку каждодневно мы видим крестьян, которые достигают какой-либо степени гражданства, также как сын и внук, родившиеся от плебея, ставшего доблестным человеком»⁴⁰. Городская реальность проступает и в осознании одного важного явления действительности, вызывающего сомнения у автора: «... в тех городах, которые управляются народом, те, кто зовутся нобилиями, менее признаны, как это показывают налагаемые на них наказания, из которых ясно, что нобиль карается сильнее, чем незнатный. Это проявляется также и в допуске ко многим должностям, из которого нобили исключены. И поэтому ясно, что они не могут называться нобилиями по той причине, что они признаны не более, а даже менее. И согласно этому... дефиниция знатности не относится к ним»⁴¹. Лапо отмечает неопределенность и ненадежность статуса нобилей в итальянских городах: «...Равным образом из предоставления должностей и наделения ими некоторыми способами устраняются нобили: и дело обстоит так, что для них это представляется злом, но, тем не менее, это ведет ко благу и устраивает его [городское общество], потому что народ, видя их многие привилегии, к которым они предназначены, подавляет иных, отстраняя от должностей нобилей согласно порядку правосудия. И это мы видим относительно частных персон, которые по высоте своего состояния устраняются из городов теми, кто заставляет их перемещаться в другие». Это вынуждает автора констатировать расплывчатость самой дефиниции: «Но города по своим статутам устанавливают, что никто не является нобилиями просто, то есть изначально..., и теперь само понятие «знатность» становится бесформенным, то есть лишенным определенной формы, каковая знатность есть безымянная...»⁴². Но городские статуты точно также наделяют пополана высоким статусом: «Знатность состоит в признании за кем-то обладания (*tribuire*) достоинством; поэтому тот пополан, который имеет должность по достоинству или по знатности, обладает юрисдикцией, и тогда этого без сомнения достаточно, чтоб можно было утверждать его знатным, и нет нужды в том, будет ли эта воля изъясняться словами или делами, как то законами подтверждается»⁴³.

Уже упомянутый выше итальянский исследователь конца XIX – нач. XX вв. Гаэтано Сальвемини отмечал важную специфическую черту, отличающую знать внутри коммунального сообщества, подмеченную еще задолго до принятия Установлений справедливости хронистом Оттоном Фрейзингенским: флорентийской знати не в такой степени был присущ отличительный признак германских знатных родов – благородство от рождения. Из-за неотчетливой выраженности этого атрибута неопределенность значения вышерассмотренных терминов ощущалась самими горожанами уже в XIII в. Уже к концу XIII в. стали терять определенность критерии, по которым то или иное лицо можно было отнести к сословию грандов города и контадо. В 1286 г. возникла необходимость составить каталог домов грандов, в который, в конце концов, вошло 140 фамилий. Уже тогда нотариусы и юристы, работающие над этим списком, испытывали немалые трудности в определении признаков, позволяющих отличить грандов от пополанов. Они выработали два основных принципа, но лишь один из них можно считать относительно надежным и определенным – наличие рыцарского звания с учетом того, что к этому времени рыцарские шпоры имелись и у представителей пополанских домов. Второй признак был полностью субъективным – «молва» (*fama*), то есть общественное мнение, которое могло быть различным в отношении одних и тех же фамилий. Вообще вопрос о том, кого можно считать грандом, а кого нельзя оказался весьма запутанным и для флорентийских юристов XIV в., среди которых постоянно шли дебаты о том, могут ли рыцари пользоваться привилегиями воинского сословия, если они занимаются торговлей и ручным ремеслом. Что выше – честь кавалера или честь ученого доктора, если в рыцари можно произвести 10 или более человек за один день, а ученым трудно стать и за 1000 лет? Что является главным показателем знатности, богатство или добрые нравы?⁴⁴ Очень скоро этот список, закрепляю-

⁴⁰ Ibid. P. 15.

⁴¹ Ibid. P. 26.

⁴² Ibid. P. 28.

⁴³ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P 26-27.

⁴⁴ Salvemini G. La dignita cavalleresca. P. 131-134. Франко Саккетти любил сопоставлять простолюдинов с самыми знатными синьорами, чтобы подчеркнуть достоинство первых, их мудрость и благородство души,

щий за градами их обязанности в обществе, перестал быть постоянным. Уже в 1292 г. в него были внесены первые изменения, которые затем регулярно повторялись: одни фамилии вычеркивались, другие вносились⁴⁵ – следствие контроля государства над социальной структурой общества.

Но если граждане избирались комендантами и Подеста в города и селения контадо на 1 год, то рыцарские шпоры навешивались в обязательном порядке, даже и против желания горожан становиться кавалерами. Лапо да Кастильонкьо почти не уделял внимания рыцарскому званию, хотя и признавал его наличие признаком знатности: «И поэтому ясно, что сегодня не служба в войске делает человека нобилем, но им становится тот, какового народ признает», по этой причине придворные рыцари, как считал автор, не могут считаться знатными, как и представители Ордена Веселящихся братьев, потому что народ их таковыми не признает⁴⁶.

По мнению В. Боргини, придававшего рыцарскому званию большее значение, оно являлось важнейшим признаком знатности. Но он сразу же констатировал новшества, связанные с этим важнейшим критерием знатности: «В наш век, из-за нашествия варваров в Италию и разрушения истинной Римской империи, вводятся новые обычаи, новые мнения, новые правила и новые нравы... И они касаются рыцарства (*cavalleria*, *militia* от лат. *Miles* – воин), которое по своей природе выступает важнейшей степенью знатности и надежным указателем на ее наличие, ничуть не сомнительным и не заключающим в себе никакой внутренней двусмысленности (обмана) и темных мест»⁴⁷. Однако все было ясно, пока военное искусство являлось прерогативой грандов, а пополаны не руководили войсками и редко становились рыцарями... Но затем и пополаны стали доказывать, что они ценят и понимают военное искусство и, управляя во время войны, начали руководить войсками как предводители и полководцы, а не только участвовать как солдаты, и появились тогда «рыцари-пополаны». Но если в начале рыцарское достоинство жаловалось за личные заслуги и доблесть как заслуженная награда, то затем «народ начал раздавать их согласно своим собственным страстям». Потом, когда расширилось флорентийское контадо, «пополаны стали призываться в правители (Подеста и Капитанами в селения и крепости), «для придания веса их именам и их полномочиям их делали Судьями и Кавалерами», о чем «так чувствительно сожалел Франко Саккетти в одной из своих новелл»⁴⁸. Флорентийский эрудит констатировал с сожалением: «Признаков знатности..., как и путей распознавания ее... есть множество в случаях, когда она не унаследована от предков»⁴⁹.

Обращение к другим жанрам доказывает, что тема знатности и рыцарского достоинства в городском обществе привлекала внимание представителей церкви писателей и историков. Весьма почитаемый во Флоренции XIII в. проповедник и известный интеллектуал эпохи Ремиджо деи Джиролами в одной из проповедей, произнесенной в церкви Санта Мария Новелла, клеймил морально-этический упадок рыцарства во Флоренции. Он сравнивал 4 типа рыцарей: выходцы из аристократических фамилий, рыцари удачи (случая), то есть купившие рыцарский титул за деньги, приобретшие его по протекции или получивших за особые заслуги перед коммуной; рыцари, преследуемые судьбой, то есть неспособные поддерживать социальный уровень, к которому принадлежали; и, наконец, святые, то есть рыцари по Божьему соизволению, включенные в ряды небесного воинства. Доминиканец Джироламо, естественно, вечность небесного рыцарства предпо-

утверждая что простой крестьянин по благородству сердца может быть сравним с королем Филиппом V Валуа. См.: Саккетти Ф. Новеллы / Пер. В.Ф. Шишмарева. Л., 1962. Нов. 195. В уста мессера Иннаморато он вкладывал такие слова: «Там сословие или пустословие, как хотите, а только, что касается рождения, то родились мы на свет на один лад». – Нов. 143.

⁴⁵ Об этих изменениях списка грандов см.: Salvemini G. La dignita cavalleresca nel Comune di Firenze. P. 25, 138-139; Catalano F. Stato e società nei secoli. Pagine di critica storica. Messina-Firenze, 1968. Vol. I. P. 230-231; Guidi G. Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo quattrocento. Firenze, 1981. T. II – Gli istituti «Di Dentro», che componevano il governo di Firenze nel 1415. P. 122.

⁴⁶ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 25.

⁴⁷ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Nota 23. P. 54; 25. P. 57.

⁴⁸ Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina. Nota 24-26. P. 57-59.

⁴⁹ Ibid. Nota 27. P. 59.

читал рыцарству светскому. Самое большое значение он придавал тому, чтобы не утрачивалась этика рыцарского сословия⁵⁰.

Под пером упоминаемого В. Боргини известного новеллиста Франко Саккетти, составившего свой сборник новелл около 1392 г., воспроизводились ситуации, в которых часто действовали реальные персонажи, современники писателя. В последнее время у специалистов по социальной истории заметно возобновление интереса к сборнику новелл Саккетти, позволяющему с учетом специфики жанра сообщить ценные сведения, характеризующие ментальные установки и социальные отношения в городском обществе. В частности, к нему обращается Франко Кардини, иллюстрируя свое положение о двух различных рыцарских парадигмах. С одной стороны, это «старые магнаты», носители идеала «аристократического кавалера», «заступника бедных» и «покровителя вдов и сирот», прославляемого эпической и авантюрной литературой. С другой – вырабатывалась парадигма рыцарей из «новых богачей», «парвеню» с деньгами и властью, для которых афиширование рыцарского достоинства было «выражением тщательной и неукоснительной защиты привилегий, коррелирующей с доступом к власти либо возвышением в обществе»⁵¹. О новеллах Саккетти, как ценном источнике, упоминает и современная исследовательница Изабелла Гальярди, черпая из него аргументы при изучении символов и коннотаций рыцарских ритуалов и церемоний⁵².

Часть новелл отражает рефлексию Франко Саккетти, который сам происходил из знатного рода, по поводу смешанности признаков и неопределенности границ при попытках отличить знатных и незнатных. С одной стороны, писателя занимает сюжет о девальвации самих понятий знатность и рыцарская честь, который апробируется в различных новеллах о «народных рыцарях», в качестве которых фигурируют те самые Подеста и коменданты, производимые коммуна в рыцари: некий ремесленник-башмачник, который «ввиду своего намерения сделаться кастеляном (комендантом)», тотчас отправляется в мастерскую самого Джотто, чтобы заказать рыцарский герб; некий бедный нобиль, «благородный только по общераспространенному неправильному словоупотреблению», который промышлял бродяжничеством и воровством в округе Флоренции; еще «один рыцарь из флорентийских Барди, «человек очень маленького роста, почти никогда не только не обращавшийся к оружию, но даже и не ездивший верхом, откупавшийся от поединков флоринами, хотя и заказавший себе нашлемник с медведем»⁵³. Наконец, рефлексия о подлинной знатности и рыцарской чести выражается непосредственно: «Во Флоренции к стыду и позору дворянского звания, которое, как я вижу, низводится до коношни и свиарника, был возведен в дворянство некий старый человек, страдавший подагрой, который ссужал постоянно деньги в рост и блистал богатством. Немного лет тому назад возводили во дворянство мастеров, ремесленников, даже булочников, и хуже того, чесальщиков шерсти, шерстобитов и жуликов-барышников. Из-за таких отвратительных дел дворянство можно назвать не *cavalleria* а *casaleria*...Какой-нибудь судья, чтобы стать Подеста, превращается в дворянина... бывает и хуже, когда нотариусы становятся дворянами..., и пенал превращается в золотые ножны... О, несчастное рыцарство, ты пошло ко дну!»⁵⁴. Несомненно, аллюзия на производимых в рыцари булочников, чесальщиков шерсти и шерстобитов относится к недавно пережитому автором восстанию чомпи и последующему режиму младших цехов (1378-1382).

Жанр плутовской новеллы предписывал известную амбивалентность ситуаций, поэтому у Ф. Саккетти имеются новеллы обратного свойства, содержащие насмешки над

⁵⁰ Salvemini G. *La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze ed altri scritti*. Firenze, 1896. P. 27; Milano, 1972. P. 110-120. Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Dugento*. Torino, 1962. P. 90-97; Catalano F. *Stato e società nei secoli*. Messina-Firenze, 1967. P. 230-231. См. также: Gagliardi I. *Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici* // Cavalieri e città a cura di Franco Cardini, Isabella Gagliardi, Giuseppe Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19-21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 168.

⁵¹ Cardini F. *L'autunno del medioevo fiorentino. Un "umanesimo cavalleresco"? // Mito e storia nella tradizione cavalleresca del Basso Medioevo*. Spoleto, 2005. P. 522-525.

⁵² Gagliardi I. *Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici* // Cavalieri e città / A cura di Franco Cardini, Isabella Gagliardi, Giuseppe Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19-21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 173.

⁵³ Саккетти Ф. *Новеллы* / Пер. В. Ф. Шипшарева. Л., 1962. 63, 146, 150.

⁵⁴ Саккетти Ф. *Новеллы*. 153.

пустым тщеславием рыцарей, а также чрезмерной сложностью, пышностью и изощренностью их ритуалов. В первом случае можно привести в пример образ надменного Кантино Кавальканти, «участника турниров и фехтовальщика, стоящего торжественно и гордо», но ставшего смешным и жалким, «когда к нему в штаны вдруг забралась мышь», а также Уголотто дельи Альи, который «предпочитал постоянно говорить по-немецки, держал сокола», но был крайне суеверен и панически боялся смерти, из-за чего подвергался насмешкам и жестоким мистификациям, «пугавшим его по ночам до смерти»; некоего из Пацци, «настоящего дворянина, превосходно знающего толк в охоте на птицу и всякую дичь, ...в езде верхом», но промышлявшего тем, что «давал деньги в рост»; во втором – издевку над обрядом посвящения в рыцари, вложенную в уста некоего шута, производящего в рыцари пьяницу, сидя на нем верхом⁵⁵. В новелле о «молодом дворянине Адимари», надменном и невежливом», поскольку, проезжая по городу, он так расставлял ноги в стороны, что занимал всю улицу, писатель вкладывал в уста великого Данте слова собственного осуждения: «Он заслуживает большего наказания, ведь, как я полагаю, злоупотребление правом коммуны есть величайшее преступление»⁵⁶. В некоторых новеллах предстают благородные представители знати, например, Ридольфо да Камерино, умеющие поставить на место зарвавшихся простолюдинов⁵⁷. Саккетти, проявляя ностальгию по прежним понятиям о рыцарской чести и достоинстве, представлял в своих новеллах, используя градацию Ф. Кардини, серию образов «нового рыцарства», рожденного в условиях городского социума и тесно в него инкорпорированного, но неизбежно утрачивающего традиционные атрибуты рыцарского сословия.

В историописании также встречаются проявления ностальгии по настоящей знати. Джованни Кавальканти, который считал себя представителем знатной фамилии⁵⁸ и писал о происхождении своего рода «Но у нас имеется еще и другой разряд нобилей, и среди них мы, а мы прибыли вместе с синьором Германии, каковой пришел в сопровождении Карла Мартелла; и мы наше происхождение ведем от четырех братьев, из которых один остался во Флоренции, и в Терме (Термах) устроил первое свое пристанище, и от него пошли те, что из Монте Кальви». Джованни Кавальканти считал, что в первую очередь следует написать о представителях древних родов, происходящих от ветеранов Суллы, которые основали город. Опираясь на авторитет Данте, писатель выражал рефлексию по поводу малочисленности и вырождения знатных родов во Флоренции: «Знаменитому Данте казалось, что его фраза «Как мало в нас знатности по крови»⁵⁹ выражала скорее осуждение, чем похвалу. Этими словами он показывал, что республика оскудела благородными людьми; его высказывание доказывало, что все общество состоит из плебса. Я говорю об этом не для того, чтобы упрекнуть этого великого человека, ибо в произнесенных им словах не заключается никакой клеветы на республику. Угодно Господу, чтобы всякое сообщество всегда в своих деяниях уравновешивалось особыми (нарочитыми) людьми, и так же не могут обходиться особые люди без плебеев, как плебеи без именитых

⁵⁵ Там же. 76, 78, 128, 82. Последняя новелла стала предметом тщательного исследования в статье Изабеллы Гальярди, которая характеризовала ее как «наиболее горькую и жестокую пародию на церемонию производства в рыцари». Перед синьором Милана Бернабо Висконти и его двором шут совершал пародийный обряд, обмазывая пьяного слугу навозом, и говоря: «Ты сделал его рыцарем омоченным, я сделаю его рыцарем огаженным». См.: Gagliardi I. Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici. P. 175-176.

⁵⁶ Саккетти Ф. Новеллы. 114. По мнению Саккетти «этого не мог простить весь род Адимари», «что и стало главной причиной изгнания Данте из Флоренции, что явилось позором для его коммуны».

⁵⁷ Там же. 90. Мораль Саккетти: «О, сколь следует хвалить синьора, если он... показывает великодушные и широту своего сердца, делающую его великим и возносящую его до звезд».

⁵⁸ Cavalcanti G. Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 105-106. Хронист Джованни Виллани причислял род Кавальканти к старой гвельфской знати Флоренции – «благородным семействам», но с оговоркой «недавние выходцы из купечества». – Виллани Д. Новая хроника или история Флоренции / Пер., статья и прим. М.А. Юсима. М., 1997. V. 39. С. 131; VI. 33. С. 153. О том же свидетельствует хроника Малиспини: Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini / Per cura di F. Costèro. Milano, 1880. Cap. C. P. 99; Cap. CIV. P. 105. Согласно исследованиям современных итальянских историков, Кавальканти во 2-й пол. XII в. уже входили в узкий круг политической элиты. Представители этого рода избирались в консулат, в следующем столетии они находились в составе лиц, управляющих гвельфской партией: Tarassi M. Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978. P. 112-113.

⁵⁹ Данте Алигьери. Божественная Комедия. Рай. XVI («О скудная вельможность нашей крови!»).

людей...»⁶⁰. Древними и по-настоящему знатными фамилиями этот историк готов был считать, помимо потомков древних римлян – ветеранов Суллы, еще два поколения знати: тех, кто вел свое происхождение от остготов Теодориха и от франков, которых привел в Италию Карл Мартелл⁶¹.

С другой стороны, Кавальканти, приобщившемуся к античной культуре через переведенные на *volgare* труды древнеримских мыслителей, прежде всего, Валерия Максима, был свойствен дуализм, отмеченный у Боккаччо и Франко Саккетти. Доказывая свои постулаты, он приводил примеры в двух планах: поступки флорентийцев, своих современников и не столь отдаленных потомков, но также и древних римлян и греков. Рассказ о том, как стал царем незаконнорожденный Сервий Туллий, Кавальканти снабдил собственной сентенцией: Если хочешь знать, не следует пренебрегать незаконнорожденными детьми, следует презирать порочных и преступных взрослых людей. Почитайте тех, кто доблестны, не смотрите при этом ни на низость положения, ни на высоту родства, ни на избыток богатства; потому что исток всякого благородства всегда коренится в доблестных делах, откуда и проистекает, что все знатные люди древности становились доблестными благодаря своему добронравию...»⁶². В данном случае важен жанр произведения: Кавальканти писал свой трактат как морально-нравственное наставление для воспитания знатного юноши Джино ди Нери Каппони. Но его сентенция, написанная явно под влиянием труда Валерия Максима, отличалась злободневностью в духе его времени.

Само понятие «знатность» стало наполняться иным содержанием: наряду с критериями, преимущественно характеризующими сословие грандов – рыцарское звание, выполнение воинских обязанностей, знатное происхождение, владение землями и замками, наличие многочисленной свиты-консортерии, состоящей из родичей и вассалов, вырабатывались новые – длительность срока обитания в городе, частота пребывания на государственных постах, влияние в коммунальном обществе и политическая активность членов рода. Эти проблемы в достаточной мере занимали умы флорентийского общества, начиная с конца XIII в. Помимо высказываний Данте Алигьери можно привести и суждения Дино Компаньи, изложенные в его моральной канцоне «О достоинстве»: «Честь не наследуется от предков, какими бы древними и знатными они не были..., но прочно гнездится в людях добропорядочных и доблестных»⁶³. Эти темы были весьма актуальны в речах флорентийских магистратов. Например, на заседании Совета коммуны 1433 г. член этой коллегии Федерико Малавольти заявил: «Синьоры! Нет никакой разницы между плебеем и благородным ни в способе рождения, ни в способе смерти, а только в образе жизни, ибо благородный человек ненавидит позор, а плебей, может быть тоже ненавидит, но не осознает этого. Добрые нравы моих предков, от которых я происхожу, сделали меня благородным, за мной не водилось дурных дел, и, чтобы не потерять доброго их наследия, я не прислушивался к дурным советам... Я не хочу потерять своего имени, поскольку оно благородно, и никогда не совершу предательства и других предосудительных поступков»⁶⁴. Все рассуждения такого рода в публичных речах флорентийских политиков были, конечно, не более, как формой репрезентации, за которой часто скрывались эгоистические соображения собственной выгоды и далеко идущий расчет, но для нас показательно, что для политической культуры городского социума республики были характерны такие риторические фигуры.

Внутри городских стен шел постоянный процесс социальной «переплавки» основных слоев населения со времен образования коммуны. Трудно отрицать противоречия между знатью и народом, то есть грандами и пополанами, в которых, прежде всего, убеж-

⁶⁰ Cavalcanti G. Trattato politico-morale. P. 103.

⁶¹ Ibid. P. 102-109.

⁶² Cavalcanti G. Trattato politico-morale. P. 113.

⁶³ Цит. по: Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. М., 1977. С. 48.

⁶⁴ Cavalcanti G. Istorie fiorentine. Firenze, 1838. T. I. P. 524-526. Если верить Кавальканти, то, используя именно такую риторику, Федерико Малавольти, состоящий в партии противников Медичи, отказывался выполнить поручение своих сообщников – тайно задушить ночью Козимо Медичи, брошенного в Стинке. Для исполнения этой миссии Федерико Малавольти специально назначили комендантом Стинке.

дает городское законодательство, но умы флорентийцев, безусловно, тревожила граница между сословиями. Ее размывчатая неопределенность, как следствие социально-культурного синтеза, отражалась как в рефлексиях обыденного сознания, так и в различных культурно-идеологических пластах представителей городского социума.

CRITERIA OF NOBILITY AND CONCEPTS OF ITS DETERMINATION IN A TOWN COMMUNITY ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF FLORENCE IN XIV-XV CENTURIES

I.A. KRASNOVA

Stavropol State University

e-mail: teilman@mail.ru

In the given article the problem of transformation of such definitions as «nobility» and «knighthood» in urban community of Florence is examined. For study the comparative analysis of Lapo da Castiglionchio's «Epistola» (second half of XIV century) and treatise about nobility by Vincenzo Borgini (second half of XVI century) is used. Reflection, during which there was a representation about uncertainty of borders between nobility and common people, is traced on the basis of the texts reflecting various cultural sections: the sermons of Remigio Girolami (XIII century); Franco Sacetti's novels, «Histories» and «Politico-moral treatise» of Giovanni Kavalcanti, allowing us to give reason for processes of welfare synthesis between grants and popolans, not excluding oppositions and struggle. In an urban society old nobility got new features quickly, while adapting to realities of the municipal arrangement, whereas popolans acquired values both attributes of knightly estate and representatives of nobility.

Key words: nobility, city, Florence.